

Мягкая сила русской литературы: крымское измерение

Победа куется в тылу. Этот знаменитый лозунг периода Великой Отечественной войны применим и в более широком, глобальном масштабе.

Право России на суверенное существование как страны-цивилизации, на воссоединение с утерянными регионами тоже куется в тылу – писателями, поэтами, композиторами, художниками, учеными.

Кто сыграл главную роль в воссоединении Крыма с Россией весной 2014 года? Отвечая на этот вопрос, одни назовут Владимира Путина. Другие – Сергея Аксенова, Владимира Константинова, Алексея Чалого. А я укажу на книжные полки. ПОлки. Хотя одновременно – и книжные ПолкИ тоже. Пушкин, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Тuroверов, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский... Перечислять фамилии русских писателей и поэтов, так или иначе связанных с Крымом, можно еще очень долго.

Именно эти люди сделали Крым русской землей. Именно они превратили наш полуостров в часть Русского мира. И именно они, а не Путин и уж тем более не пресловутые «зеленые человечки» в конечном итоге привели крымчан на референдум 16 марта 2014 года.

Однако обо всем по порядку.

Таврида играет особую роль в истории России. Именно здесь, в Херсонесе, находится купель русского православия, духовный исток русской нации и централизованного российского государства. Именно поэтому присоединение Крыма к России в 1783 году становится не только важнейшим геополитическим и военно-стратегическим, но и духовным событием в нашей истории. Начинается активное политическое, административное, экономическое и... литературное освоение региона. Вместе с солдатами, чиновниками, путешественниками, учеными на полуостров отправляются заново открывать для России забытый за несколько

столетий край писатели и поэты - Жуковский, Батюшков, Грибоедов и, конечно, Пушкин. При этом они находят в Крыму не только русскую Святую землю, но и земной рай, куда на протяжении многих последующих десятилетий будут стремиться с холодного российского материка цари, вельможи, политики, писатели, поэты, художники.

Александр Пушкин описывает своему брату Льву счастливое, полуденное небо Крыма; прелестный край; природу, удовлетворяющую воображение, — горы, сады, море. «Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...».

Во многом именно под влиянием пушкинского гения в Крым направляются другие писатели и поэты. Пушкин создает литературную славу Крыма или, правильнее, Пушкин создает славу Крыма среди литераторов, делает полуостров модным в артистической элите России.

Классик «заманил» в Крым многих мастеров русского слова. При этом они искали на полуострове не только святыне дары князя Владимира, не только необыкновенную природу, но и исцеление от недугов. С представлением о Крыме как «земном рае» оказывается связанным более прагматичное понимание полуострова как всероссийского курорта, где можно избавиться от плотских земных недугов.

В июне 1835 года в Крым, в Саки, приезжает на лечение Николай Гоголь. «Был в Крыму, пачкался в минеральных грязях», — впоследствии напишет он об этой поездке в письме Василию Жуковскому. Причем, судя по всему, сакские грязи Гоголю помогли, иначе едва ли он задумывал бы снова ехать в Крым лечиться уже в конце жизни. Увы, в силу разных причин, прежде всего — безденежья, эта поездка так и не состоялась.

Другой большой русский писатель и, «по совместительству», врач, который прославил крымские курорты, - Антон Чехов, переехал в Ялту в самом конце XIX века, после того, как у него проявились первые признаки туберкулеза. Чеховская «Белая дача» была центром притяжения и при жизни писателя – там бывали Бунин, Горький, Куприн, Короленко, Шаляпин, Рахманинов и другие крупнейшие деятели культуры, остается таковым и сегодня, являясь одним из лучших литературных музеев полуострова.

А неистовый Владимир Маяковский уже в советские годы посвятил крымским курортам следующее стихотворение:

«И глупо звать его «Красная Ницца»,
и скучно звать «Всесоюзная здравница».
Нашему Крыму с чем сравниться?
Не с чем нашему Крыму сравниваться!»

Еще одна важнейшая роль Крыма - это не только рай на Земле, не только всероссийская здравница, курорт, на который стремятся люди со всей страны, но и важнейший военно-стратегический форпост России на юге, завоеванный в ходе русско-турецких войн XVIII века и удержанный потом в Крымскую войну 1853-1856 годов и в Великую Отечественную. «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» [], - писал в «Севастопольских рассказах» участник первой героической обороны города Лев Толстой. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» [], - эти слова классика стали сбывшимся пророчеством.

Кстати, Лев Толстой соединил в своей жизни обе эти «функции» Крыма – и военно-стратегического форпоста России, и курорта. Великий писатель не только защищал полуостров от европейских и турецких захватчиков во время Крымской войны, но и лечился здесь в старости, в 1901 году, во дворце графини Паниной в Гаспре.

В начале XX века Крым вновь воспринимается как земной рай – во многом этому способствует литературная «колония», основанная в Коктебеле Максимилианом Волошиным. У поэта гостят едва ли не все светила русской литературы той поры - Мандельштам, Белый, Горький, Брюсов, Булгаков, Цветаева, Гумилёв, Зощенко, Чуковский и многие другие. Именно Волошин фактически превратил ранее никому не известный поселок в Восточном Крыму в литературную (шире – артистическую) столицу Крыма и один из литературных центров России.

В Гражданскую войну Крым становится последним оплотом старой уходящей России. Наиболее остро это, пожалуй, отражается в одной из самых пронзительных книг русской литературы XX века – «Солнце мертвых» Ивана Шмелева, потерявшего в Крыму любимого сына, и в поэзии Николая Туроверова, навсегда запомнившего уходящий берег Крыма.

В отличие от историков, писатели и поэты знают сослагательное наклонение. Уже во второй половине XX века мечту о «белом Крыме» отразил в своем романе «Остров Крым» Василий Аксенов. Историческое допущение, лежащее в основе сюжета этого произведения, заключается в том, что в 1920 году белым удалось отстоять Крым и построить на полуострове независимое демократическое (капиталистическое) государство.

В реальной же жизни и Василий Аксенов, и его коллеги по ремеслу – Битов, Ерофеев, Вознесенский, Евтушенко и многие другие – в мирные «застойные» шестидесятые-восемидесятые годы прошлого века фактически продолжают в Крыму традицию, заложенную Максимилианом Волошиным и его друзьями в начале столетия. Крым (и прежде всего – Коктебель) становится для них убежищем, творческой мастерской, в которой рождаются многие заметные произведения русской литературы той поры.

Иосиф Бродский формулирует в «Письмах римскому другу» значение Крыма в советской империи:

«Пусть и вправду, Постум, курица - не птица,
Но с куриными мозгамихватишь горя.

Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далёко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говорят, что все наместники - ворюги,
Но ворюга мне милей, чем кровопийца» [1,270].

Сбежать в Крым, к морю, чтобы читать, спорить о прочитанном, писать
и наслаждаться жизнью - мечта советских (и антисоветских литераторов)
«эпохи застоя».

«Январь в Крыму. На черноморский берег
зима приходит как бы для забавы:
не в состоянии удержаться снег
на лезвиях и остриях агавы.
Пустуют рестораны. Дымят
ихтиозавры грязные на рейде.
И прелых лавров слышен аромат.
«Налить вам этой мерзости?» «Налейте».
Итак — улыбка, сумерки, графин.
Вдали буфетчик, стискивая руки,
дает круги, как молодой дельфин
вокруг хамсой заполненной фелюки.
Квадрат окна.
В горшках — желтофиоль.
Снежинки, проносящиеся мимо.
Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо».

Однако мгновенья эти не остановить. «Свистят они как пули у виска».
И вот-вот грянет крупнейшая геополитическая катастрофа XX века - распад
Советского Союза, поначалу воспринимающийся как освобождение от
опостылевшего коммунистического режима.

Дни августовского путча ГКЧП в 1991 году первый и последний президент СССР проводит в «заточении» на государственной даче в Форосе, а буквально в нескольких десятках километров от него, в поселке Курортном под Карадагом находится в это время будущий классик современной русской литературы Виктор Пелевин. Эпоха распада большой страны отражается в его романе «Жизнь насекомых», действие которого как раз и происходит в Крыму историческим летом 1991 года — насколько, конечно, можно датировать действие такого рода романа.

На глазах у Пелевина бывшая глухая римская провинция у моря, а затем всесоюзная здравница начинает превращаться в регион независимой постсоветской Украины. Репродуктор в поселке «несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински» [4]. Как выяснится 23 года спустя, сбыться этим «мечтам» на полуострове было так и не суждено.

Понимание того, что Крым не может быть частью Украины, пожалуй, наиболее ярко выразилось в публицистическом творчестве абсолютного иного и по творческой манере, и по мировоззрению русского писателя — Александра Солженицына. В девяностые годы прошлого века он один из немногих открыто возвысил свой голос в защиту полуострова от украинских националистов. «Сколько русских с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено было нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя», — читаем в опубликованной в 1998 году книге «Россия в обвале».

К счастью, времена изменились — Крым вернулся в состав России. Солженицын до этого не дожил, но пророчески предвосхитил, что Украина в

её постсоветских границах нежизнеспособна: «Отяжелительная ошибка её — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь—Херсон—Одесса) и Крым. (Принятие хрущёвского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говоря, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединённости западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 процента населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: нахватанное — ребром выпрет».

В 2014 году это предсказание русского классика сбылось почти с абсолютной точностью. Воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года вызвало новый всплеск интереса к полуострову у русских писателей, поэтов, публицистов. Крым вновь осмысливается как святая земля, колыбель русского православия, и уже хотя бы поэтому он должен принадлежать России.

В то же время одновременно следует отметить и тот факт, что воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года разделило русский литературный мир на два противоборствующих лагеря. Один восторженно принял этот исторический факт (Проханов, Прилепин, Шаргунов), другой (Акунин, Сорокин, Быков), наоборот, отрицает его законность. Процесс, характерный, привычный для русской литературы - вспомним хотя бы ожесточенные дискуссии между славянофилами и западниками в золотом XIX веке нашей словесности. В известном смысле они продолжаются и

сегодня. Славянофилы ХХI столетия – Проханов, Прилепин, Шаргунов. Западники – Акунин, Сорокин, Быков.

В пылу исторических событий писателям уже некогда облекать свои идеи в форму художественных произведений, и они обнажают в пылу полемики свои публицистические шпаги

«Возвращение Крыма России было, как чудо, как восход солнца, - привычно патетически формулирует Проханов. - Это была пора ликования. Народ, прозябавший в сумерках, возвысился духом, воскрес. Народ-подранок, у которого с девяносто первого года всё только отбирали, мучили его, казнили, корили, вновь обрёл русский цветущий Крым, он обрёл своё будущее, он вновь стал народом-мечтателем. Ещё не было моста, соединяющего континентальную Россию с полуостровом, а крымский мост между народом и властью, преодолев пропасть, был воздвигнут в одночасье, как в сказке. Началась новая русская эра. Государство Российское повенчалось с Крымом, пало на колени перед алтарём в Херсонесе, оросило своё обгорелое измождённое лицо черноморской живой водой». Прилепин уверен в том, что «нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» А для Быкова все это всего лишь «кипящий патриотический квас».

Кто из них прав?

Ответ на этот вопрос мы, крымчане, дали 16 марта 2014 года, абсолютным большинством голосов проголосовав за воссоединение с Россией. И стоял за нами, по определению того же Захара Прилепина, «спецназ русской литературы», личный состав которого я здесь уже перечислял.

Книжные Полки Русского мира.

Столетиями здесь, на полуострове, создавался и продолжает создаваться мощный русский бэкграунд из стихов, рассказов, повестей, романов и эпопей. Культурный щит крепче любого военного щита. Его не пробить никакими санкциями. Крым был, есть и будет частью Русского мира. И никто и никогда не сможет этого изменить.

Всё, что можно посоветовать вышеназванным господам — немного... почитать. Пушкина, например. Причем не только «Бахчисарайский фонтан», но и «Клеветникам России». Как это там у классика:

«О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
...Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов».

Ученье свет, а неученье тьма. Не знаю, как там у них в цивилизованном мире, а у нас в дикой полуазиатской России, России Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Чехова и Мандельштама, Пастернака и Солженицына, Бродского и Аксенова, это хорошо известно каждому.

Как, кстати говоря, и еще одна прописная истина: учиться никогда не поздно. В том числе и политикам. Ибо иногда от незнания школьной программы по литературе проистекают грандиозные исторические катаклизмы.